

Бескрайнее небо, ни облачка на горизонте.

Лу Юньчжэнь стоял на длинном мече, уютно устроившись в объятиях Мо Чанкуна. Он не знал, как далеко они улетели, и Лу Юньчжэнь, наклонившись вперед в бушующем ветре, осторожно взглянул вниз. Под ногами раскинулось безбрежное море, где небо и вода сливались в одно целое, а на его поверхности плавали две маленькие рыбацкие лодки, занятые прибрежным промыслом.

Рыбаки, дружно выкрикивая ритмичные команды, тянули сеть, полную крупной рыбы, и каждый из них был безмерно счастлив. Маленькую рыбу, которая еще не подросла, они бросали обратно в море, благодаря его за щедрые дары, а проворные морские птицы, улучив момент, стремительно пикировали вниз, чтобы схватить пару рыбешек на ужин.

Как же это захватывающе...

Лу Юньчжэнь с увлечением наблюдал за происходящим. Он уверенно стоял на тонком мече длиной всего три фута, словно на твердой земле, на высоте в тысячи чжаней, совершенно не испытывая страха, но, напротив, чувствуя восторг.

Безбрежное море и высокое небо очищали душу.

Мечник должен иметь чистое сердце и широкую душу. Все те бессмысленные мысли, что мучают его в снах, следует отбросить — нет такой заботы, которую нельзя разрешить с помощью меча!

Ему не хотелось просто так сидеть в объятиях ученика, созерцая пейзажи. Он жаждал большего, чего-то более захватывающего, но...

Мо Чанкун заметил его нетерпение:

- Шизун, хочешь попробовать?

Лу Юньчжэнь с жалобной интонацией ответил:

- Я больше не умею летать.

Его душа была заточена в круговороте перерождений на целое тысячелетие, и хотя его врожденное тело мечника только начало пробуждаться, даже с постоянным питанием духовными камнями и упорными тренировками, он оставался новичком, только что вступившим на путь самосовершенствования... Власть над мечом была ему еще недоступна.

Мо Чанкун сказал:

- Я помогу тебе.

Глаза Лу Юньчжэня засияли от нетерпения.

Мо Чанкун протянул руку и поправил выбившиеся на ветру пряди волос своего шизуна, которые слегка отросли и мешали обзору. Он развязал свою ленту для волос и аккуратно закрепил ею волосы Лу Юньчжэня на макушке.

Кончики его пальцев скользнули по щеке и уху.

Сердце Лу Юньчжэня забилось быстрее. Он отвернулся, пытаясь скрыть смущение, и начал притворно оглядываться по сторонам.

Мо Чанкун спокойно объяснил:

- Ты любишь летать на мече с риском.

- Глупости! — Лу Юньчжэнь замахал руками, смутившись, — Следует быть осторожным и сдержанным. Впервые в жизни я оседлал меч, поэтому нужно вести его безопасно, проявлять осторожность. Как можно говорить о риске? Э-э... Как же мне управлять им?

Он изо всех сил старался сохранить спокойствие, подавляя волнение, и старался не терять руки от нетерпения в присутствии ученика.

Неожиданно Мо Чанкун разжал руки и исчез.

Лу Юньчжэнь лишился надежного «ограждения» и оказался один на огромной высоте. Он чуть было не подумал, что сейчас упадет, его лицо побледнело от страха, и он в панике воскликнул:

- Чанкун?

- Я здесь, - темный длинный меч под ногами едва заметно мерцал кровавым светом, зловещая аура меча вырывалась наружу, превращаясь в десятки темно-красных нитей, которые мягко обвивались вокруг его ног и медленно проникали внутрь тела, - Шизун, расслабься, позволь мне войти.

Эти слова заставили Лу Юньчжэня на мгновение подумать о чем-то другом, его тело напряглось, но вскоре он понял, о чем идет речь. Несколько смущенный, он попытался расслабить свое море сознания и Даньтянь, позволив могущественной ауре меча Мо Чанкуна

мягко проникнуть внутрь и установить связь с каждым меридианом, образуя мост.

Черный меч был истинным телом Мо Чанкуна. Он отказался от своего высокомерия, отринул всю гордость и, используя искусство управления мечом, объединился с ним, временно одолжив свою демоническую силу для использования мечнику.

Это чувство было удивительным...

Внутри Лу Юньчжэня теперь пульсировала мощная сила, словно он овладел всем миром, и ему казалось, что он способен на все. Однако из глубин его моря сознания доносились вибрации меча и голос, заставляя его осознать присутствие еще одного человека внутри его тела, что вызвало у него легкое смущение.

- Чанкун, может, не стоит, - тихо произнес он, - Разве можно управлять своим учеником, летая повсюду? Мне это кажется неприличным для учителя...

- Не беспокойся, - черный меч тихо зазвенел, и Мо Чанкун, находясь прямо в его море сознания, мягко сказал, - В детстве ты водил меня по всему миру, показывал его необъятные просторы; теперь я желаю вознести тебя ввысь и вновь привести к бескрайним небесам.

С нежностью посаженное семя дало столь же нежный плод.

Лу Юньчжэнь был тронут до глубины души. Он больше не мог отказываться от такого жеста доброй воли и, с радостью поднявшись в воздух, начал летать. Сначала немного неуклюже, медленно сделав несколько кругов, но вскоре понял, что управление мечом было похоже на езду на велосипеде: однажды научившись, тело хранит эту память, которую можно постепенно пробудить. А с помощью и наставлением Мо Чанкуна он быстро освоил искусство полета на мече.

Это было невероятно весело!

Мо Чанкун умело активировал скрытую формацию, подавляющую их ауры, чтобы избежать обнаружения обычными людьми. Лу Юньчжэнь убедился, что никто не заметил его сверхскорость, и, чем быстрее он летел, тем больше чувствовал азарт. Пользуясь защитой Мо Чанкуна, он отбросил мысли о безопасном вождении и взмыл в небеса, резко падая вниз, словно в банджи-джампинге, испытывая яркие и захватывающие эмоции!

Самолет пролетел мимо, как гигантский зверь, захвативший небеса, и он почувствовал, что его скорости был брошен вызов. Немедленно устремившись вперед, он решил устроить гонку с пилотом, и они пролетели значительное расстояние, прежде чем Лу Юньчжэнь вспомнил, что гнев на дороге — это плохое поведение, которое влияет на безопасность в небе. Смущенно он показал смешную гримасу ребенку в салоне и послушно вернулся назад.

Несмотря на зиму, сегодня солнце светило ярко, и температура над морем была вполне приемлемой. Он бесстрашно пикировал вниз, пролетая над самой поверхностью воды, оставляя за собой две длинные дорожки волн, испугав охотящихся морских птиц. Иногда рядом выскакивал дельфин, издавая удивленные крики...

Он был как большой ребенок, который совершил множество шалостей и не мог перестать смеяться.

Черный меч тоже весело гудел.

Они летели долго, побывали во многих местах, сделали большой круг и, наконец, вернулись в город неподалеку от Цинцю.

Солнце садилось, и начали зажигаться первые вечерние огни.

Лу Юньчжэнь действительно устал. Он приземлился на самую вершину телебашни, облокотился на перила, вдыхая немного прохладный ветер и любуясь этим прекрасным городом.

Сейчас был час пик, на эстакадах шел непрерывный поток машин: где-то движение было свободным, где-то застопорилось, но все это излучало неукротимую жизненную энергию. В метро спешили пешеходы, устремляясь в разные стороны, стараясь жить на полную.

Он смотрел на это долго-долго...

Мо Чанкун незаметно принял человеческий облик и тихо встал рядом с ним, накинув на него плотное пальто. Лу Юньчжэнь подтянул пальто, вспомнив свое обещание больше не увлекаться мечом, и его лицо немного покраснело:

- Я раньше тоже так поступал?

Мо Чанкун тихо ответил:

- Да.

Шизун особенно любил водить их в дикие полеты, летая с большой скоростью, но Хэ Цзиньнянь был категорически против таких бессмысленных и опасных занятий. Слабака А-Суя всегда укачивало, у него кружилась голова и в результате его все время тошнило.

Десять тысяч лет времени, тысячи перерождений.

Каждый раз рядом был только он.

Сердце Лу Юньчжэня начинало биться все быстрее, как будто после полета на мече чего-то не хватало. Он начал шарить по карманам, но так и не смог ничего найти.

- Вот, - Мо Чанкун достал несколько бутылок пива из своего пространственного мешка и открыл крышки, протягивая их ему, - Я взял это у А-Суя. Ему тоже нравится выпить, и он припрятал много бутылок, из разных стран и разных марок.

- Как это звезда может пить? Если фанаты увидят, они будут разочарованы и уйдут, - Лу Юньчжэнь с широкой улыбкой решительно взял пиво, - Мы снимаем с него заботы, сохраняем его имидж и поддерживаем фанатов.

Мо Чанкун с улыбкой сказал:

- Хорошо.

Лу Юньчжэнь поднял бутылку и слегка стукнул ее о его:

- Будем здоровы!

Горьковатая, с легкой сладостью жидкость скатилась по горлу, возбужденному после целого дня приключений, и упала в желудок, принося чувство удовлетворения. Алкоголь постепенно испарялся, проходя через кровь и поры, проникая в мозг и даря легкое опьянение.

- Чанкун, спасибо тебе.

После нескольких бутылок растроганный Лу Юньчжэнь потянул своего любимого ученика, неся полнейшую чепуху, бесконечно болтая:

- Я сегодня так счастлив, невероятно счастлив... Мне нравится, когда ты в моем теле, это так... приятно...

Мо Чанкун видел, как шизун пошатывался, едва удерживаясь на ногах, и, опасаясь, что он может упасть с телебашни, прикинул его состояние и понял, что тот, вероятно, уже достаточно пьян и все забудет, когда проспится. Поэтому он просто обнял его и мягко ответил:

- Да.

Лу Юньчжэнь почувствовал, что оказался в безопасном месте, вокруг витал знакомый аромат. Он не смог сдержать улыбку и, прижавшись поближе, прошептал едва слышно:

- Чанкун, я люблю тебя.

Мо Чанкун тихо ответил:

- Угу.

Кандалы, сковывавшие его запястье, слегка затянулись, подавляя нарастающее желание. Эта цепь не была создана в качестве оружия, а предназначалась для того, чтобы ограничить его действия, когда он терял контроль над внутренним демоном, вновь поддавался искушению и испытывал желание навредить своему шизуну, чтобы не допустить повторения трагедии.

Образ шизуна и его слова были настолько соблазнительными...

Наверняка это проклятый внутренний демон снова дал о себе знать.

Эти прекрасные слова были излюбленным приемом демона: они раз за разом появлялись в иллюзиях, повторяясь десятки раз в день. Сперва он использовал все возможные уловки, чтобы соблазнить его, ввести в эйфорию, подобную полету на облаках, а затем безжалостно отвергал и унижал, погружая обратно в бездну, заставляя его предпринимать отчаянные попытки удержать эту иллюзию, и так до тех пор, пока он не сломается.

В Чистилище он уже научился не различать истину и ложь и отвергать все соблазны. Если не верить, то и не будешь обманут.

- Чанкун, ты подарил мне столько радости, - Лу Юньчжэнь продолжал, ухватив его за руку, - Шизун тоже хочет подарить тебе подарок. Есть ли что-то, что ты хочешь? Я сделаю все возможное, чтобы это исполнить...

Этот демон немного раздражал Мо Чанкуна.

Сейчас у шизуна не было сил, он лежал у него на руках, и его белоснежные запястья, из-за неуместных движений, оказались крепко зажаты в ладони Мо Чанкуна, подчиненные его воле.

Но... это было неправильно...

Теперь он желал не этого.

Мо Чанкун склонился, внимательно глядя на нежного человека у себя на руках, и осторожно устроил его в более удобное положение. Он тихо прошептал:

- Я хочу, чтобы шизун... всегда был счастлив...

Каждый день улыбался по пустякам, каждый день был радостным, не замечая никакой боли.

Он очень хотел поступить со своим шизуном необдуманно, но... еще больше не хотел видеть в его глазах страдания, не хотел видеть боль, которая так часто отдаляла его. Лишь однажды потеряв, он понял, как много значит для него эта улыбка.

Поэтому цепи оплели его сердце. На этот раз... даже если придется умереть, он не допустит ошибки.

Лу Юньчжэнь смутно услышал проникновенные слова, приподнялся и, полуоткрытыми глазами, с удовлетворением посмотрел на лицо Мо Чанкуна. Ему казалось, что его ученик был несравненно красив — суровые брови, глубоко посаженные глаза с оттенком темно-красного, высокая переносица, которая придавала ему нечто от смешанной крови, словно непобедимый воин из легенд.

Но... те две змеевидных отметины, которые уродовали его левую щеку, раздражали его. Они портили все, что было так прекрасно, превращая воина в падшего демона, всюду распространяя тьму и поглощая все великолепие.

Ему это не нравилось...

Лу Юньчжэнь протянул руку, чтобы стереть с лица Мо Чанкуна эти следы греха. Он отчаянно пытался их удалить, даже пропитал свою одежду алкоголем, чтобы смыть их. Но следы оказались упрямыми, как он ни старался, они не исчезали.

Его Чанкун был осквернен, с ним что-то случилось. Лу Юньчжэнь был одновременно разгневан и расстроен.

Мо Чанкун попытался успокоить его:

- Шизун, все в порядке.

- Нет, не в порядке, — Лу Юньчжэнь крепко ухватил его за лицо, внимательно осматривая его, и с серьезностью наставлял, - Ты не должен быть таким.

Мо Чанкун усмехнулся:

- А каким я должен быть?

Лу Юньчжэнь уткнулся головой ему в грудь, погруженный в хаос собственных мыслей, долго бродил по осколкам воспоминаний и, наконец, едва слышно и неразборчиво пробормотал:

- Ты... самый лучший на свете...

Его голос был настолько тих, что Мо Чанкун, напрягшись, не смог разобрать его слова, решив, что шизун бредит. Он попытался вновь уложить его в удобное положение.

Лу Юньчжэнь подумал, что тот хочет сбежать, испугался, тут же бросился вперед, схватил его и крепко поцеловал Мо Чанкуна в щеку. Затем, открыв рот, принялся грызть и лизать отметку на его лбу, будто пытаясь изгрызть ненавистное клеймо.

Мо Чанкун, весь покрытый слюной, был слегка ошеломлен. Он размышлял, что, вероятно, дурные нравы современного общества испортили его шизуна, или, возможно, это был очередной приступ сердечного демона. Но в тот момент его шизун вырвался из его объятий, встал и провозгласил новую декларацию своей секты:

- Я обязательно искуплю свою вину и верну Чанкуну его прежний облик, чтобы он был снова красив и изящен.

- Какие-то жалкие сто миллиардов заслуг! Это не проблема!

- Мы, мечники, не боимся никаких трудностей!

- Учитель и ученик едины! Вместе мы непобедимы!

- ...

Мо Чанкун не стал долго размышлять и поспешно заплодировал.

Лу Юньчжэнь почувствовал, что сказал все просто великолепно, внушительно и особенно властно, как и подобает наставнику! Он произнес еще несколько бессвязных фраз, а затем захотел отправиться на своем мече, чтобы поговорить с младшим учеником. Но перед отъездом внезапно вспомнил важное дело и, приостановив шаг, сказал:

- Управлять мечом в состоянии алкогольного опьянения — это нарушение закона, за которое полагается пятнадцать дней заключения. Чанкун, нам нужно найти водителя.

Мо Чанкун послушно достал телефон, открыл все приложения для вызова водителей, долго искал, но оказалось, что это все только для автомобилей, а водителей, которые умеют управлять мечом, не было. Шизун наотрез отказался садиться на меч, и Мо Чанкуну пришлось нести пьяного подопечного вниз с телебашни на своих плечах и звонить Ху Сую, чтобы тот прислал машину.

Ху Суй уже был в ярости. Он с мрачным лицом подъехал на внедорожнике, забрал

отвратительного старшего брата и очень милого пьяного шизуна, отвез их обратно и уложил спать.

На следующий день, когда Лу Юньчжэнь проснулся, его сердце было наполнено радостью от полета на мечях, и он не очень хорошо помнил позорные подробности, связанные с телебашней. В шлепанцах, довольный, он отправился к шведскому столу, где увидел, что два его ученика уже сидят в ресторане и смотрят друг на друга большими глазами.

- Доброе утро, — проговорил он с куском хлеба в зубах, — Что случилось? Мы сегодня возвращаемся?

- Шизун, — с печальным лицом сказал Ху Суй, — Старший брат Цзиньянь передал, что через некоторое время собирается нас навестить...

- Что? — хлеб выпал изо рта Лу Юньчжэня.

<http://bllate.org/book/13607/1206737>